

ОЛЬГА ГОГОЛЕВА

ДВЕРЬ

РАССКАЗ

Сосредоточенно крутя руль, Дмитрий ощущал, как раздражение и усталость безостановочно сменяют друг друга. Он всегда ненавидел эти места — они нагоняли на него чувство полной беспросветности и отчаяния. Вспомнился звонок троюродного брата, заупокойным голосом без предисловий сообщившего Дмитрию, что умерла его мать, и своё раздражение при мысли о том, что теперь уже точно придётся ехать в эту треклятую деревню; раздражение, нахлынувшее ещё до того, как он успел осознать смысл полученного известия.

Дима ненавидел и дом, в котором вырос, и унылую улицу, единственную в деревне, и тусклые, чаще всего не работающие фонари, и покосившиеся заборы, и вопли лягушек в начале лета, доносящиеся от небольшого пруда, в котором никто не купался из-за тины и водорослей.

Жили они с матерью тяжело и безрадостно. Не было у него ни счастливого детства, ни тепла в воспоминаниях, не было даже своей комнаты, а он всегда думал, что собственная комната — это основа защищённой и безмятежной жизни ребёнка. Особенно его впечатляло, когда родители сохраняли комнаты своих детей нетронутыми, несмотря на то, что те давно уже жили отдельно. Дмитрию казалось, что даже очень взрослый человек, заходя в комнату, где всё остается таким, каким было в юности, неизменно возвращается в тот период жизни, наполняясь его лёгкостью и беззаботностью.

Ключ от своего дома у него, конечно, был, но Дмитрий сразу пошёл к дому тётки, знал, что вся его притихшая и немногочисленная родня собралась сейчас у неё. Двери в деревне не закрывались, поэтому он вошёл без стука

ГОГОЛЕВА Ольга Владимировна родилась в 1973 году в Саратове. Образование экономическое, PR и реклама. Профессиональная специализация: антикризисный менеджмент, создание и продвижение брендов. Живёт в Москве.

и сразу оказался в кухне, где в основном громоздилась огромная русская печь. Ему навстречу из жилой комнаты вышел сын тётки Витя, добродушный и безобидный увалень, всегда пьяный и застенчиво улыбающийся.

— Здорово, брат, — сказал Виктор.

— Привет...

Тётка молча стояла, дожидаясь своей очереди; когда братья пожали друг другу руки, подошла и, обняв племянника, зарыдала, повиснув на нём:

— Митя, сирота ты теперь. Совсем один остался! Мамка так и не дождалась тебя!

Митей его звала только деревенская родня, в городской жизни это имя не прижилось.

— Ладно, мать, что ты его, — вступился за брата Витя, как обычно, не закончив фразу.

Дмитрий узнал мужа тёти, дальних родственников из районного центра и соседей, которые стали подходить и пожимать ему руку, таким образом выражая свои соболезнования. Он чувствовал себя не в своей тарелке и вдруг понял, что очень сильно хочет есть и что ничего с собой не привёз, даже кофе, которого мать не пила, а он не мог проснуться без пары кружечек этого неизменного спутника своего завтрака.

Все сели, рассказали, что первым заметил неладное Виктор, который утром шёл к соседу поправить здоровье и увидел, что тёткиной козы нет на месте, где она обычно пасётся. Не обнаружив Белки и на обратном пути, он пошёл узнать, в чём дело, и нашёл мать Дмитрия лежащей на полу у печки, она была мертва.

Витя вдруг заплакал, видимо, нахлынули воспоминания об этой картине и чувство вины, что не зашёл к ней сразу. Врачи приехавшей “скорой” сказали, что скончалась она задолго до его визита, ещё ночью, но Виктор всё равно не мог успокоиться. Тётка рассказала, что они через знакомых договорились о быстром вскрытии, чтобы ночь перед похоронами покойница провела в церкви. Местный батюшка, отец Серафим, отпоёт её по всем правилам, как она и хотела.

Дима очень тяготился всей этой сценой и думал уже только о том, что бы поскорее оказаться одному. Уснуть, наверное, он не сможет, но хотя бы побудет в тишине и покое. Наконец, после долгих воспоминаний как о матери Дмитрия, так и об историях, связанных со смертями родных и знакомых, все стали собираться по домам. Тётя предложила племяннику заночевать у них, но он отказался. Ему показалось, что она с облегчением восприняла его отказ, он знал, что это не от равнодушия, а от усталости.

Когда Дмитрий был уже на крыльце, его догнал Витя:

— Брат, подожди, мать тебе поесть соберёт...

Дима шагнул обратно в сени, а тётка уже вышла ему навстречу с пакетом, набитым пирожками и фирменными ватрушками, которые сразу напомнили ему о детстве. Они расцеловались, и он вышел в прохладу ночной деревенской тишины. До дома ему было идти не больше двух минут, но, оказавшись на улице, он понял, что ноги его не несут в родное гнездо. Накатила смесь расслабленного наслаждения и покоя, словно и не было только что никаких тягостных сцен и разговоров, даже мысли о завтрашнем событии как будто растворились — ушли в темноту. Он добрёл до своего крыльца, сел на ступени, поставил рядом с собой пакет с гостинцами и начал есть то, что попадалось, даже не пытаясь нащупать любимые ватрушки. Впервые за несколько лет пожалел, что бросил курить, решив, что сейчас сигарета была бы очень кстати.

Дима не знал, сколько просидел так, но когда небо стало светлеть, подумал, что нужно отправляться спать. Дверь в дом была открыта, он мысленно улыбнулся: можно было не брать с собой ключей, так как двери тут не принято запираться. В сенях ноги наткнулись на что-то мягкое, он сначала испугался, но тут же сообразил, что это осиротевшая кошка матери. Они оба зашли в дом. Голубоглазая сиамская кошка сразу запрыгнула на печь и оттуда стала следить за человеком, который ходит по их с хозяйкой чистому

дому, не снимая обуви. Дмитрий налил воды из чайника, выпил и, чувствуя необъяснимую неловкость от кошачьего внимательного взгляда, зашёл в комнату, где, не зажигая света и не раздеваясь, улёгся на диван.

Делая эти несколько шагов и чувствуя во всём теле тяжесть, он надеялся, что сейчас моментально уснёт, однако, как только его до крайности утомлённое тело приняло горизонтальное положение, сон мгновенно исчез. Стало как-то не по себе, но не от страха, а от того, что ему было неудобно, как если бы он оказался в совершенно чужом и неприветливом доме.

Дима лежал, наблюдая, как комната наполняется неярким светом наступающего утра, мысленно перечисляя завтрашние дела и думая о том, что хорошо бы ему завтра же вечером уехать... Из темноты проступали знакомые вещи, всё было, как раньше, только в углу под потолком появилась полочка с красивой тройной иконой. Вматривался в неё с любопытством: “Когда мать стала такой религиозной?”

Он подскочил от голоса матери, которая позвала:

— Митя...

Поняв, что всё-таки уснул, Дима сел, огляделся, встретившись глазами со всеми родственниками, смотревшими на него со стен, и подошёл к окну. Было самое начало восьмого. Снова накатило тоскливое чувство пустоты и замешательства. Он увидел Виктора, шедшего к его калитке, и, наверное, впервые в жизни обрадовался ему. Хлопнула входная дверь.

— Брат...

Дмитрий вышел на кухню, где у двери стоял Витя. Кошка ласково тёрлась о его ноги, при этом подозрительно поглядывая на нового жильца.

— Что, пора?

— Ага, мать зовёт... Поешь да поедем...

Дальше день покатился, как по расписанию. Дима радовался, что ему почти не приходилось принимать никаких решений, всё было уже решено и подготовлено; его задача состояла в том, чтобы по всякому поводу одобрительно покивать головой и заплатить. Происходящее переносилось легче, чем он думал, прежде всего, потому, что мать в гробу он не узнавал, ему казалось, что это похороны какой-то другой женщины, и он здесь совсем не главное действующее лицо.

В церкви ему почему-то стало душно и захотелось на воздух. Он вышел и, наконец, стрельнул и с наслаждением выкурил сигарету. Старая церковь, стоявшая прямо на кладбище, была отреставрирована. Дима вспомнил, как в детстве они курили внутри, рассказывая истории, слушая эхо своих голосов, уносящихся под купол, а в пустующие окна влетали птицы, и ветер заносил листья и снег.

На кладбище он пытался сосредоточиться, чтобы сказать матери какие-то слова на прощание, и никак не мог их подобрать, поцеловал холодную полосу молитвы на её лбу и пробормотал:

— Прости меня...

На выходе из кладбища Дмитрий объявил шедшей рядом тётке, что хочет сегодня же уехать. Она посмотрела на него каким-то непривычно суровым взглядом, остановилась и жёстко сказала:

— Это что ещё за новости?! И слышать не хочу! Помянуть мать, как положено, твоя святая обязанность — выпить хотя бы три стопки, поесть со всеми и послушать людей, которые пришли на поминки!

Сказать что-нибудь в своё оправдание он не успел, так как она сразу от него отошла и больше даже не смотрела в его сторону.

Поминки организовали в доме тётки. Людей пришло не много, но и не так мало, как предполагал Дмитрий. Он курил на улице с Виктором и соседом, когда пришёл отец Серафим, крупный и красивый человек, не старше пятидесяти. Подвыпивший и многословный сосед вспоминал истории из жизни, связанные с матерью Димы, Витя вторил ему, и перекур затянулся. Возвращаясь, Дмитрий столкнулся с выходящим из дома батюшкой, тот извинился, что дольше пробыть не может, — срочно нужно ехать причащать умирающего. Отец Серафим мягко пожал руку Диме и, тепло глядя в глаза,

сказал, что от всего сердца соболезнует ему, так как потеря такого человека, каким была его мать, это поистине невосполнимая утрата. Дмитрий сдержанно поблагодарил, про себя решив, что подобный пафос здесь явно не уместен, и зашёл в дом.

Кто-то уходил, кто-то приходил, но за столом просидели долго, в конце концов, когда все разошлись, остались только тётка с мужем, изрядно подвыпивший Виктор и Дима. Немного погодя Витя уснул на диване, а как всегда молчаливый дядя ушёл кормить домашнюю скотину и птицу. Дмитрий с тёткой остались вдвоём, чего он интуитивно опасался, и не напрасно, она сразу спросила, пристально на него глядя:

— Ты что собираешься с домом делать?

— Продавать. Мне этот дом не нужен!

— Как это продавать?! Ты что?! Родовой дом, который твой дед вместе с прадедом строили?!

— Я сказал — мне он не нужен! Если хочешь, забирай его себе, вон, Витьку, наконец, отселите, будет у него собственное жильё, может, и жизнь своя, наконец, появится...

Тётка обиделась, по-крестьянски неистово и самозабвенно:

— Нам этот дом не нужен. У него есть хозяин — ты! Мать его для тебя сохраняла из последних сил! Жилы из себя вытягивала, чтобы внуки её будущие радовались! Дом какой крепкий ещё, печь такая, что лучше её у нас в деревне нет! Дом продать! Памятью не дорожишь?!

Она почти кричала, покрасневшая и гневная. Дмитрий, с которого враз слетело всё его сомнамбулическое состояние, зло ответил:

— Какой памятью? Памятью о том, что мать меня не любила?!

Тётка охнула, словно её ударили, застыла на мгновение и вдруг зарыдала:

— Митя, да что ты! Катя любила тебя, конечно, любила... что ты...

— Ты её с собой не путай! Я, сколько себя помню, всегда наблюдал, как ты Витьку своего облизывала, хоть он у тебя и хулиган был, курить чуть не в детском саду начал и учился всегда плохо... Даже сейчас ты с ним, как с маленьким, хотя он уже пятый десяток давно разменял... А у меня что? Я и учился хорошо, и вроде особым лоботрясом не был, но если меня в детстве кто-то и обнимал или целовал, так это опять же ты! Я совершенно один всю жизнь, ты это понимаешь?! Не к кому мне было приехать и поплакаться, чтобы меня обласкали и успокоили по-матерински! Даже позвонить некому было! Только друзья... но в нашей среде жаловаться не принято, быстро из обоймы вылетешь... Друзья жёнам плачутся, а у меня и с Иркочкой не сложилось: и я оказался не тем, что она думала, и мне нужно другое — мне тепла всегда не хватало! Обычного женского тепла, сердечности и настоящего дома, чтобы, как у тебя, всегда пирогами пахло!

Тётка ошеломлённо смотрела на него, притихшая и осунувшаяся. Слёзы непрерывными ручьями текли из её глаз.

— Митя, Митенька, у неё характер был такой неласковый, но ты не представляешь, как она гордилась тобой! Как хотела, чтобы ты был счастлив!

— Взрослый человек не может быть счастлив, если был несчастлив в детстве... Несчастливым и непопулярным!

— Митя... ты пойми, Катя рано осиротела, потом отец твой её бросил, и не просто бросил, а на сносях! Ты представляешь, что это было за событие в деревне в то время?! Да она за всю жизнь так и не избавилась от косых взглядов и сплетен. Любая бабка здесь всегда будет рассказывать, что в том доме жил почталён, который напился и замёрз прямо у своего крыльца, а в этом доме жила Катюшка, которая бегала за красивым приезжим шофёром, а он укатил с дачницей в город и как звать её забыл, а она так и осталась с нагулянным ребёнком!.. Вот так... Характер у покойницы был не из лёгких, это правда, но что она тебя не любила, даже не думай! Все её надежды были на тебя... Ей просто в жизни ох как нелегко пришлось!

— И мне нелегко, и тебе наверняка тоже, однако ты на своего сына до сих пор смотришь, как на ребёнка...

— Так он и есть ребёнок! Он ведь очень добрый у меня, безотказный и ласковый... Что жизнь у него не сложилась, это точно, но я от этого его ещё больше люблю... Он ведь тоже по молодости сильно обжётся, так и всё после этого! Я надеялась, что выровняется, но нет, видно, уже ничего не выйдет... Хотя, мало ли, а? Что думаешь?

Дима устало улыбнулся и встал:

— Да, в жизни всё бывает. Пойду я, тётя Тонь... Две ночи толком не спал, с ног валюсь...

Она побрела за ним к выходу. У порога он обернулся, обнял её и вышел. Она снова заплакала.

От непроглядной уличной темноты спас фонарик в мобильном телефоне. Ночь стояла свежая и прохладная. Дима шёл знакомой дорогой и думал о том, что в темноте улица воспринимается совершенно не так, как днём, — если не оглядываться на светящиеся окна тёткиного дома, то кажется, что здесь вообще нет никакой жизни: ни людей, ни домов, ни домашней скотины, огородов, садов — ничего нет. Только подумал об этом, как где-то залаяла собака.

— Всё-таки какая-то жизнь есть, — усмехнулся он.

На крыльце, свернувшись, спала кошка. Когда он вошёл в калитку, она встала.

— Заходить будешь? — спросил Дима, открыв дверь и терпеливо ожидая, когда кошка решит, наконец, что ей делать. — Нужно будет узнать, как тебя зовут.

Он включил свет в сенях, а кошка постояла ещё несколько секунд, безразлично подняла на него глаза и снова улеглась на крыльце.

— И ты меня, значит, невзлюбила. Ну, спи здесь, если хочешь, — сказал Дима и закрыл дверь.

Дом встретил его какой-то нежилой, зябкой атмосферой. Лёжа на своём диване, Дима вспоминал всегда сосредоточенное и неулыбчивое лицо матери и как за смехом, шутками и вкусной едой он ходил к тётке Тоне, которая даже ругала их с Витькой по-особому — весело и задорно.

Уснуть не получалось, он пошёл на кухню попить и выглянул в окно, за которым мыльный рассветный туман прятал сад и всё, что окружало дом. Потянуло на улицу, вдохнуть это стелящееся по земле облако, и он вышел.

Кошки на крыльце уже не оказалось, и Дмитрий пошёл мимо пустующего двора, где раньше жили корова и свинья, в сторону бани. Мать баню любила, но, как он знал, в последние годы своей не пользовалась, ходила париться к тётке, а на тёплое время года давно организовала себе летний душ. Подойдя поближе, он обнаружил, что у бани появилась аккуратная маленькая пристройка непонятного назначения. На двери пристройки висел большой навесной замок. Дима провёл рукой по притолоке, ключа не оказалось, он заглянул в баню, которая встретила его с детства знакомым запахом, теперь уже еле различимым. На лавках лежали разной длины доски, стоял пакет, набитый тряпьем, какие-то банки и куча прочего хлама. Он осмотрел все возможные места, где мог храниться ключ от пристройки, — там его не оказалось. Поискал в сенях и в доме, но так и не нашёл подходящего ключа и уже раздражённый этим бестолковым процессом приступил к поиску того, чем можно замок сорвать. В сенях на обычном месте висел топор, с ним Дмитрий и вернулся к злополучной двери. Сначала пытался сбить замок, что не получилось, и тогда он, рассердившись окончательно, начал рубить дверь в том месте, где к ней крепилась скоба, на которой замок висел.

Дверь не поддавалась, доски были толстыми, и Дима, всё больше распаляясь, уже бездумно колотил топором, стараясь попасть в одно место. Вскоре древесина раскрошилась, и ему удалось подцепить и выломать довольно большой кусок доски. Он принялся выбивать скобу и только тут увидел на доске с внутренней стороны какой-то рисунок. Уже ничего не понимая, он выколотил скобу и, распахнув дверь, обомлел — его взору предстала самая настоящая художественная мастерская, полностью расписанная изнутри красивым крупным орнаментом. На полках стояли банки с кистями, лежали

краски и аккуратные, подготовленные доски. На застеленном клеёнкой столе были разложены тюбики, кисти, тряпки, лежал картон, служивший палитрой, и две недописанные иконы. Дима сразу узнал манеру, в которой написана икона, стоявшая в доме. От недоумения он застыл на минуту, а потом сел на стоявший у стола стул, оглядывая всё вокруг. Из оцепенения его вывел какой-то звук, он увидел кошку, которая стояла на входе и едва слышно мяукала. Он позвал её, но она осталась на пороге, видимо, хозяйка не разрешала ей входить в мастерскую.

Усталый и опустошённый, Дима озирался по сторонам. Мать всегда неплохо рисовала, и раньше её часто просили делать стенгазеты, которые потом подолгу висели в сельсовете, это он хорошо помнил, но тут — совсем другое. Стены и даже потолок мастерской полностью покрыты красивой росписью: крупные округлые цветы и бутоны обрамлены в витиеватые стебли и листья разного размера, рисунок был не хаотичным, а упорядоченным и изящным. Он понял, что это народный мотив, но в стилях совершенно не разбирался и точно ничего определить не мог. Стало очевидным, что маленькое это помещение сначала было полностью расписано, и уже затем в нём появилась нехитрая мебель. Сквозь выломанную из двери полосу, как сквозь рваную рану, в мастерскую заглядывал аккуратный сад, в котором громко пели птицы. Туман рассеялся, и всё заливал белый солнечный свет раннего утра.

На стук в дверь долго никто не выходил, затем он услышал внутри голос и шаги, и в распахнувшемся наконец проёме перед ним предстала фигура Виктора в трусах и майке. Лицо у брата было удивлённым и заспанным, он сразу спросил:

— Здорово... Случилось чего?

Дима только сейчас осознал, что ещё совсем рано и по запертой двери можно было понять, что в доме спят. Он растерянно стоял, забыв всё, что хотел спросить.

— Мить, ты чё? — повторил Витя.

— Извини, как-то не сообразил, что вы ещё спите...

За спиной Виктора появилась тётка:

— Вы чего в дверях-то?! Митя, что это ты спозаранку? Поесть хочешь?

Он очнулся:

— Тётъ Тонь, Витёк, простите, что-то я забыл на часы посмотреть...

— Да ничего страшного, — отозвалась тётя, — нам уже всё равно скоро вставать нужно было. Что случилось-то?

— Я в саду нашёл какую-то мастерскую... Ничего не понимаю... И в доме икона есть такая же...

— А, вон что, — тётка смотрела на него тепло и участливо. — У нас тут лет шесть или семь назад поселилась женщина одна из Пскова. Художница, в советские времена шкатулки расписывала, а потом иконами начала заниматься. Катя с ней как-то сразу сошлась — в храме познакомились, и тоже увлеклась этим делом. Отец Серафим тогда церковь восстанавливать начал, а они поновляли старые иконы и новые писали. Спроси у батюшки нашего, он тебе покажет, какие её иконы в церкви висят. Художница из Пскова, Татьяна, всегда говорила, что у Катерины нашей большой талант! Татьяна эта в позапрошлом году умерла, а Катя решила мастерскую свою построить, и вон мои мужики ей сделали пристройку к бане. Она летом в мастерской работала, а когда холодало, в дом переезжала со своими художествами, но в доме ей не нравилось, говорила, красками пахнет и работает плохо — всё время на что-то отвлекаешься. А мастерскую свою очень любила! Она для тебя икону написала, в шкафу бельевом посмотри, там лежит. И у нас вон в углу её иконка, Серафим Саровский!

— А я-то почему об этом не знал ничего?!

— Так Катя говорила, придет — увидит, а по телефону что расскажешь?

— Ладно, пойду я, извините, что разбудил. Вить, ты, как сможешь, зайди ко мне, ладно? Мне помощь там твоя нужна...

— Ну, ты, братан, даёшь... — только и смог сказать Виктор, оглядывая

покалеченную дверь. — Ключи у тётки Кати в рабочем халате, он в сенях висит... и у нас есть, и у батюшки...

— Я искал, искал, голова очумелая совсем от недосыпа. Ну, вот и открыл, как сумел! Нужно теперь её восстановить. Новую доску не вставишь, орнамент нарушится, а тут щепок много выдолбилось. Что скажешь?

— Что говорить-то, ремонтировать надо... Я с отцом поговорю, когда он из райцентра приедет, картошку сдавать поехал... Мы с ним, когда тётке эту пристройку сделали, наутро приходим дверь навешивать, а она тут стоит в своём халате, вся в краске, довольная, разрисовала всё внутри за ночь... Батя потом сказал, что, кажется, до этого ни разу не видел, чтобы она улыбалась... Потом за пару дней всё раскрасила, и вот красота получилась какая!

Он действительно нашёл в шкафу среди белья завёрнутую в полотенце очень красивую икону Николая Чудотворца. Святой старик смотрел на него добрыми, живыми глазами. На обороте каллиграфически было выведено: “Моему сыну Мите на долгую память от мамы. Храни тебя Господь, сыночек”. Дима почувствовал, как по щекам потекли слёзы. Он даже не мог понять, из-за чего сейчас плачет, на душе было одновременно и тяжело, и очень хорошо.

Он завернул Чудотворца в полотенце, отнес в машину, затем сложил задние сидения и, уложив в багажник своего кроссовера дверь, которую они с Виктором сняли с петель, и пакет с выломанной доской и щепками, уехал. По дороге думал, как побыстрее найти мастерскую краснодеревщиков или реставраторов, которые смогут его дверь восстановить. Такие умельцы есть, сделают, будет, как новая!

Он очень любил ставший родным Санкт-Петербург и квартиру свою на Каменноостровском проспекте тоже. Из-за этой квартиры у них с Ирой при разводе развернулась целая битва! Битва, в которой он выиграл. Сейчас все семь часов дороги он думал почему-то именно об Ирине. О том, что тогда он подспудно знал, что обходитесь с ней непорядочно, стараясь не думать о том, что они вместе вставали на ноги и квартиру эту покупали вместе, но тогда ещё не будучи женатыми. Зарабатывал, конечно, в основном он, но не будь её, так ли удачно сложилась бы его карьера? И квартиру эту она нашла, и договаривалась со старыми владельцами, чтобы они взяли залог и подождали немного, пока они с Димой собирают недостающую сумму. И как поначалу часто они ходили гулять в Лопухинский сад. Квартиру он отсудил легко: покупалась она до официального брака, детей у них не было, а собственником значился Дмитрий, так что у Ирины почти не оставалось шансов.

Уже смеркалось, когда автомобиль Дмитрия въехал в Питер. Проезжая по знакомым улицам, он чувствовал себя так, будто давно здесь не бывал. Очень давно! Даже удивительно, неужели он и правда живёт в этом прекрасном городе?

Дверь он аккуратно положил на застеленный простыней ковер в гостиной и, поставив чайник, принялся осматривать её ранения и содержимое пакета с выломанной доской и щепками. Выпив чаю под бутерброды и с сожалением вспомнив об оставленных в деревне тёткиных пирожках и ватрушках, он набрал знакомый номер, по которому уже больше двух лет не звонил. Ира подошла почти сразу. Он не подготовил заранее никаких слов, поэтому в первый момент ему показалось, что не знает, что хочет сказать, но сразу понял, что это не так:

— Ир, привет!

— Здравствуй, Дима. Чего ты хочешь?

— Извини, ты не занята?

— Занята, еду на свидание... — с вызовом ответила ему бывшая жена. Он понял, что это камень в его огород.

— Что тебе нужно? — повторила вопрос Ирина.

— Ты знаешь, у меня мама умерла, — сказал он, поняв, что раньше никогда не называл свою мать мамой вслух.

— Сочувствую! Ты мне звонишь, чтобы это сообщить?

— Нет. Я пока ехал из Псковской области до Питера, думал о тебе. Точнее, о том, что некрасиво тогда с тобой обошёлся... Прости меня...

— А если не прошу, то что? Ты думаешь, что словом “прости” можно всё изменить?

— Нет, не думаю... Ир, я выплачу тебе половину стоимости этой квартиры.

— Этой квартиры?!

— Нашей квартиры... Помогу купить новую, где захочешь, если будет нужно больше денег — дам больше!

На другом конце провода затаилось молчание, потом ему послышался звук похожий на приглушённое бульканье, и Дима понял, что она плачет.

— Мне нужно припарковаться, а то сейчас въеду в кого-нибудь.

— Ты, может, заедешь, если недалеко от дома?

Он знал, что она тоже очень любила этот район, и после развода переехала недалеко на съёмную квартиру.

— Я в районе Большой Монетной.

— Приезжай, это не телефонный разговор.

Через двадцать минут Ира сидела с чашкой кофе и смотрела на дверь, лежащую на полу.

— Это что ж такое тут у тебя? От чего дверь?

— Долго рассказывать, я её испортил, теперь нужно восстановить. Завтра буду искать мастерскую.

— А с тобой что произошло?

— В каком смысле?

— В прямом... Что-то я тебя и узнаю, и нет!

— Просто давно не виделись и не общались...

— Нет, дело не в этом!

Вместо ответа он подал ей сверток:

— Вот, смотри...

Ира развернула полотенце:

— Красивая икона! Откуда это? Из деревни привёз?

— Переверни...

— погоди! Её что, мама твоя написала?!

— Да. Я ведь не ездил давно, ты знаешь... А оказалось, что она уже несколько лет, как увлеклась иконописью, говорят, что у неё настоящий талант. В местной церкви её иконы висят. Дверь эта от её мастерской, я сломал! Дурак... Привёз на реставрацию, нужно до девяти дней её привести в порядок и на место поставить. Возвращаясь к квартире — я, пока ехал, всё обдумал. У тебя ведь подруга была, риэлтор, ты с ней как, общаешься ещё? Пусть она оценит эту квартиру и подберёт тебе подходящий вариант. Ты ведь, наверное, не захочешь в другой район уезжать, так что здесь это будет однушка... Я её оплачу. Если своих денег не хватит, найду ещё. Продам кое-что, кредит возьму. Не переживай об этом, короче! Займись, ладно?

— Конечно, займусь! С удовольствием... Ты с домом-то деревенским что будешь делать?

— Дом я оставляю, Ир.

— Для дачи далековато.

— Я пока не знаю ничего, но понял, что дом продать не смогу. Он мой! Вот квартира эта не моя, она наша с тобой, а дом — мой... Там кошка живёт, тоже моя, очень умная и меня пока недолюбливает, но я думаю, это временно!

Он засмеялся. Впервые за долгое время ему было легко. Засмеялся и сам этому удивился.

Выходя из квартиры уже глубокой ночью, Ирина обернулась:

— Спасибо!

— Да пока не за что...

— Нет, не за квартиру, а за то, что ты сегодня вернул мне веру в человека, для меня это важно!

— Мне кажется, для меня это важнее... Так что тебе спасибо!

Дверь он восстановил сам. Смотрел в интернете видеоуроки, читал советы опытных мастеров и рукастых любителей, сделал массу нужных и ненужных покупок в строительных магазинах, научился орудовать пинцетом и кисточками, когда клеивал и подкрашивал самые мелкие щепки, почти не ел и не спал.

Николай Чудотворец стоял всё это время на полке рядом с книгами и внимательно наблюдал за процессом. Дима привык с ним разговаривать.

Родственники обещали закрыть дверной проём чем-нибудь и ждали его с отремонтированной дверью. На шестой день Дима выехал в обратном направлении, увозя в багажнике аккуратно завернутую в простыню обновлённую дверь. Была она хоть и не как новая, но чтобы найти места, где ещё недавно торчали зазубренные края, теперь нужно было присмотреться.

Помимо городских гостинцев для родных, вёз Дима и консервы для кошки, и новый противоблошинный ошейник, ноутбук и документы для работы, оборудование для подключения интернета в доме, продукты и кофе.

Святой Николай тоже ехал с ним.